

**О некоторых аспектах разграничения разума и безумия в контексте полемики
М. Фуко и Ж. Деррида**

Научный руководитель – Кузнецов Василий Юрьевич

Постников Федор Сергеевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский
факультет, Москва, Россия
E-mail: postfedor@gmail.com

Вопрос различения и разграничения разума и безумия, если к нему подойти с должной серьёзностью, представляется если не одним из «основных вопросов философии», то по крайней мере одним из вопросов, создание вокруг которых определённой системы высказываний, в котором эти два означающих оказываются сближенными и находящимися в логических отношениях противоречия, представляется логичным и законным, а осмысление этой системы требует пристального внимания. Такая смежность разума и безумия приводит к тому, что вопросы о безумии влекут за собой дополнительные вопросы о разуме и наоборот, а поскольку, как принято считать ещё со времён Древней Греции, философия или занятие философией - это преимущественное дело разума, то постановка вопросов о разуме и безумии хотя едва ли может повлиять на то, как занимаются философией, тем не менее очерчивает её границы, пределы выделяет множество возможных субъектов, которые способны или имеют право философствовать. Одно из определений, данное философии Жаком Деррида выглядит так: «И философия, возможно, есть не что иное, как эта обретенная в непосредственной близости от безумии застрахованность от его жути» [1].

Однако, сама постановка вопроса о взаимоотношениях разума и безумия как вопроса философского, своего рода легитимация использования подле друг друга этой пары слов, одно из которых имеет по преимуществу медицинский смысл, в философском дискурсе, стала возможна в первую очередь благодаря работе «Истории безумия в классическую эпоху» Мишеля Фуко [2], в которой безумие и его история описаны в перспективе соотносительности безумия с разумом в таком виде, что история безумия на длительных участках времени оказывается связана с историей разума и пишется относительно него.

Историю всего безумия, которую пишет Фуко, можно прочесть как трёхчастную или трёхтактную последовательность сменяющих друг друга моментов, которые своим движением смутно напоминают диалектику Гегеля. На первом этапе, в позднее Средневековье и в эпоху Возрождения, имеет место диалог разума и безумия (которое тем не менее «символизирует собой тревогу и беспокойство» [2, с. 23]), безумие и разум соприкасаются до такой степени, что «мир безумия присутствовал везде, явно и неотступно, [...] его ощущали, его узнавали, перед ним трепетали еще прежде, чем он заявлял о себе; он был бесконечной грезой на просторах представления» [там же, с. 126]. Безумие воспринималось как одна из форм разума. Второй этап у Фуко называется «Великое заточение». «Эта классическая эпоха, совершив неожиданный переворот, заставила Безумие умолкнуть» [там же, с. 59]. Разум отрицает безумие, исключая его и вместе с тем, осознавая его как иное, декартовским жестом «исключает любую его возможность» [там же, с. 61]. На третьем этапе, частью которого является сам Фуко, антипсихиатрия, психоанализ, и в целом современный Фуко левый дискурс, с его идеями принятия иного, равенства вновь налаживает связь между разумом и безумием, осуществляет диалог между ними, возвращается к тому утраченному в классическую эпоху опыту безумия, восстанавливает безумие в правах. Так,

говоря про Фрейда, Фуко пишет, что «он не дополнил список психологических средств лечения безумия каким-то главным, высшим лекарством, — нет, он вернул медицинской мысли понятие о возможности диалога с неразумием» [там же, с. 400].

Такое прочтение истории безумия не является единственным и окончательным, но, кажется, именно такую драматургию этой истории пишет Фуко. Однако, если это так, то оказывается, что жест самой фукольдианской «Истории безумия» (то есть смысл и назначение работы, которую он пишет; те эффекты, которые она призвана вызывать) представляется менее гегельянским и более хайдеггерианским по своей интонации (интонации в хайдеггеровском смысле) и логическому устройству. Так, можно рассмотреть следующую фразу: «Психоанализ — это вовсе не ответвление психологии; это возврат к тому самому опыту неразумия, в сокрытии которого, собственно, и состоит смысл психологии в современном мире» [там же, с. 400]. Если подставить на место «психоанализа» «фундаментальную онтологию», «психологии» - «метафизику», «неразумия» - «бытие», то по интонации можно подумать, что это текст одного из докладов Хайдеггера. Можно сказать, что Фуко, создавая историю безумия, вновь вступая с ней в диалог, осуществляет возврат к тому моменту, когда дискурс классической эпохи забыл и исключил безумие, ограничил его присутствие разумными рамками. Более того, кажется, что Фуко стремится представить безумие в своём чистом и перводанном свете. Он пишет историю самого безумия, «безумия самого по себе» - в чём упрекает его Жак Деррида в работе «Cogito и история безумия» [1, с. 47].

Также Деррида указывает на то, что Фуко ошибочно прочитывает Cogito Декарта как жест радикального исключения безумия, властный жест полного заточения- напротив, «Cogito сохраняет ценность, даже если я безумец, даже если моя мысль целиком и полностью безумна» [там же, с. 72]. Таким образом, можно заметить, что жест Деррида более диалектичен, чем жест возврата к безумию Фуко, поскольку первый замечает, что в Cogito безумие не полностью отбрасывается, но сохраняется на более высоком уровне.

Источники и литература

- 1) Деррида Ж. Cogito и история безумия // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект. 2000.
- 2) Фуко М. История безумия в классическую эпоху. АСТ, 2010.